

УДК 398.33

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-102-113

Несколько Новых годов в одной крымской семье: этюд о множественности

Елена К. Малая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lenmamalen@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена микроэтнографическому исследованию практики празднования Нового года в Крыму. В некоторых семьях до 2014 г. существовала традиция встречать Новый год дважды: по московскому и киевскому времени, не описанная ранее в академической литературе. Помимо описания практики «двойного» празднования в статье предпринимается попытка рассмотреть разные смыслы, которыми наделяют оба Новых года жители одной семьи. Для этого автор обращается к конструктивистским теориям наций (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), а также к методологии онтологического поворота (А. Мол, Дж. Ло). Работа представляет собой кейс-стади и строится на глубинных интервью с членами одной семьи.

Ключевые слова: Крым, Новый год, онтологический поворот, множественность, изобретенные традиции, воображаемые сообщества, нации, новогоднее обращение президента

Для цитирования: Малая Е.К. Несколько Новых годов в одной крымской семье: этюд о множественности // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-102-113

Several New Years in a Crimean family: An essay on multiplicity

Elena K. Malaia

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lenmamalen@gmail.com*

Abstract. This article is dedicated to a microethnographic analysis of the practice of celebrating the New Year in the Crimea. In some families until 2014 there was a tradition to celebrate the New Year twice – on Moscow time and on Kiev time, – which has not been previously described in the literature. In addition to describing the practice of a “double” celebration, the article attempts to consider the different meanings given to both New Years by inmates of the same family. For this, the author refers to the constructivist theories of nations (B. Anderson, E. Hobsbawm), as well as to the methodology of the ontological turn (A. Mol, J. Law).

Keywords: Crimea, New Year, ontological turn, multiplicity, invented traditions, imagined communities, nations, New Year president’s broadcast

For citation: Malaia EK. Several New Years in a Crimean family: An essay on multiplicity. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;9:102-13. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-102-113

«Двойное» время

На территории Украины с 1996 г. окончательно установлено единое для страны время, соответствующее времени второго часового пояса (UTC+2) с сезонным переводом на один час (летнее и зимнее время) [1]. Таким образом, зимой киевское время отличается от московского на один час¹, т. е. когда в Москве наступает полночь, в Киеве часы показывают 23.00. Автономная Республика Крым была окончательно переведена на украинское исчисление времени в 1997 г. [2], после нескольких попыток сохранить московский хронометраж, по которому полуостров жил в советское время.

¹ В период с 2011 по 2014 г. различие составляло 2 часа, так как Россия, обычно измеряющая московское время по третьему часовому поясу, на эти четыре года перешла на четвертый.

Несмотря на перевод в 1997 г., некоторые крымские практики сохранили ориентировку на московское время и за счет этого обрели своеобразную «временную двойственность». Так, ситуация «двойного времени» нашла свое отражение в праздновании Нового года некоторыми семьями² с конца 1990-х по 2014 г. Они встречали Новый год дважды: сначала в 23.00 по киевскому времени (т. е. в 00.00 по московскому), а затем – в 00.00 по киевскому (т. е. в 01.00 по московскому). Иными словами, в Крыму «российский» Новый год праздновался на час раньше официального «украинского».

В первую очередь, такое празднование было распространено среди крымчан, которые симпатизировали Российской Федерации и тем или иным образом соотносили себя с ней. После 2014 г. в связи с переходом Крыма на московское время ситуация несколько поменялась, однако в этой статье я сосредоточусь на материалах украинского периода крымской истории.

Разные люди по-разному объясняют свое празднование Нового года по времени другой страны, апеллируя к национальной или гражданской идентичности, истории, культуре, политике и т. д. В этой работе я обращаюсь к проблеме множественности интерпретаций, незаметно сопричастующих для людей в одной семье. Исследование представляет собой кейс-стади, построенное на изучении новогодней традиции в одной крымской семье, состоящей из четырех человек (муж и жена 1953 и 1957 гг. р., их дочь 1981 г. р. и ее сын 2006 г. р.). Исползованные для подготовки статьи материалы включают в себя 6 глубинных интервью (2015–2017 гг.) и результаты включенного наблюдения, зафиксированные в полевых дневниках.

² Я не имею возможности количественно оценить распространенность этой практики, так как не обладаю статистически значимой выборкой – настоящее исследование изначально планировалось как микроэтнографическое. Другие же социологические и антропологические исследования, проводившиеся в последние десятилетия в Крыму, были посвящены иным вопросам: например, вопросам статуса русского языка и языковой политики Крыма или интеграции в крымское пространство крымско-татарского населения (см. об этом: [3,4]). Вместе с тем, я могу сказать, что в моем архиве упоминания о «двойном» праздновании Нового года встречаются достаточно часто (не менее двух десятков вхождений).

«Наш» Новый год

Вот как объясняет свое празднование Нового года по российскому времени одна из моих информанток, жительница Симферополя Нина Николаевна³ (1957 г. р.):

[Соб.: А чей Новый год праздновался?] Наш Новый год. [Соб.: А наш – ... да?] Да, наш, вот. И это, ну, не российский, не украинский, а, собственно, вот, родной Новый год. Наш Новый год, как это было раньше. Вот, как это было, то есть мы чувствовали потребность праздновать его вот вместе с русскими людьми. С Россией. Вот, с бывшим Советским Союзом <...> [Соб.: То есть в 11 вечера шампанское открывали?] Ну да, открывали, президента слушали, нашего [т. е. российского. – Е. М.] президента. Вот, долго так [как «нашего»] воспринимали. И завидовали, потому что навязанный нам [украинский] президент... <...> [Соб.: А вот какой Новый год в этом случае казался более новогодистым?] Ну, украинский – это как бы формальный Новый год, который мы должны отмечать по долгу пребывания, местонахождения, официально, вот... Типа обязанности. А Новый год, ну, российский – вот он для души. Это вот потребность, это вот... Ну, вообще-то, настоящий Новый год – российский. А украинский – это, ну, как бы вот, обязателька. <...> Да, и вот Куранты... и сама картинка, да, сама процедура нам всегда казалась, ну, российская – правильной, а украинская – ну, так, подделка, фикция [НН].

Нина Николаевна говорит о том, что настоящим Новым годом – «нашим» – для нее до 2014 г. был российский, в то время как украинский ощущался как формальный и даже фиктивный. При этом праздник по московскому времени для Нины Николаевны является российским только номинально: в нем она видит «наш Новый год», который она встречает с «бывшим Советским Союзом». Примечательно, что, говоря о российском президенте, она тоже называет его «нашим», из-за чего при чтении расшифровки интервью может возникать некоторая путаница⁴. Сама Нина Николаевна комментирует это так:

³ Имена изменены из соображений исследовательской этики. Интервью записано Е.К. Малой в феврале 2017 г. в г. Симферополь.

⁴ Мое знакомство с семьей Нины Николаевны началось до 2014 г., поэтому я могу утверждать, что использование этого местоимения (*наш*) не связано с изменением гражданства после 2014 г. и имело место еще в 2005 г.

Наши – мы чувствовали себя частью целого, это все было наше, и Россия, и Украина. <...> Россия – нет! Советский Союз! Россия для нас вообще была растворена. Ее для меня вообще как... Был Советский Союз, где были все. Россияне не были там первыми в моем восприятии. Мы так удивлялись потом, когда начались национальные конфликты, вообще это было дико. Мы ж так все дружили... Пятнадцать республик, пятнадцать сестер...<...>. Когда, когда все распалось, тогда мы Россию ну, воспринимали как... Как преемницу Советского Союза. Олицетворение. Потому что она все равно осталась многонациональной [смеется] [НН]⁵.

Этот фрагмент беседы кажется мне показательным. Нина Николаевна говорит о том, что Россия для нее была «олицетворением Советского Союза». Ее тождество с СССР в логике Нины Николаевны подкрепляется, в том числе, «многонациональностью», то есть моя собеседница перекладывает на Российскую Федерацию процитированный ею советский принцип: «пятнадцать республик, пятнадцать сестер». Благодаря этому переложению Новый год по московскому времени становится (или скорее остается) для Нины Николаевны «родным», представляясь все тем же советским праздником. Среди моих материалов есть тексты, выражающие аналогичные позиции, и все они принадлежат информантам 1950–1960 гг. рождения, то есть выросшим в СССР.

Новый год как «сборка» воображаемого сообщества

Просмотр обращения президента является неотъемлемой частью «канона» празднования Нового года. Интересно, что многие мои респонденты, встречающие Новый год дважды, смотрят речи глав обоих государств, не отказываясь от просмотра ни одной из них вне зависимости от того, какой Новый год кажется им более «настоящим». Случаи полного «переключения» на время другой страны среди моих материалов встречаются редко и фиксируются в основном у тех людей, которые в современном Крыму празднуют Новый год по украинскому времени. Среди тех, кто до 2014 г. встречал «российский» и тем более «советский», таких крайних позиций, видимо, не было: та же Нина Николаевна, например, категорически не принимавшая политику В.А. Ющенко (прези-

⁵ Более позднее интервью с Ниной Николаевной. Май 2017 г., г. Симферополь.

дент Украины с 2005 по 2010 г.), не представляла возможным не смотреть его новогоднее обращение. Впрочем, нужно отметить, что однажды она изобрела способ выразить свое несогласие и при формальном соблюдении традиции. Так, при встрече 2005 г., после того, как семья встретила полночь по российскому времени (в том числе посмотрев обращение В.В. Путина к россиянам), Нина Николаевна при просмотре обращения уже украинского президента выключила у телевизора звук. Посмотрев беззвучное обращение, семья включила аудиосопровождение только с началом боя часов, под который пила шампанское.

К сожалению, я, зафиксировавшая этот факт, на тот момент не являлась исследователем и соответствующего образования еще не имела – будучи подругой дочери Нины Николаевны, я просто была приглашена к ним на семейный праздник в дом. Несмотря на отсутствие полноценной фиксации, я все-таки считаю уместным использовать этот материал сейчас – воспоминания, которыми мы располагаем в силу личной и биографической включенности в исследуемый контекст, могут обладать академической ценностью. Пьер Бурдьё называл подобную ситуацию включенности «удачной двойственностью» и сам использовал ее в исследовании своего родного региона Франции [5 с. 16; 6 с. 178].

Спустя двенадцать лет я записала воспоминания Нины Николаевны об этом случае выключения звука:

[Соб.: Я вспомнила, что был момент, когда выключали звук...] Да. Да. <...> Ющенко, вот, он себя вел как актер. <...> Мы в этом видели элемент... ну, шоу американской политической культуры, правда, перенесенной на нашу почву... и... нас он сам по себе раздражал, потому что опять это был Майдан⁶, только такой, приличный, бескровный Майдан. <...> Неприятно. И мы просто выключали звук и смотрели, потому что это все равно реперная точка, это все равно как бы Новый

⁶Интересно, что Нина Николаевна говорит «опять это был Майдан», комментируя события, на самом деле *предшествовавшие* так называемому Евромайдану (украинскому политическому кризису 2013–2014 г.). Иными словами, «первым» в ее представлении оказывается фактически более поздний «Майдан», с которым она сравнивает ранний – «Оранжевую революцию» 2004 г., значимую для ее воспоминаний о президентстве В. Ющенко. Эта инверсия очень показательна: с одной стороны, она демонстрирует опасность записи воспоминаний вместо синхронных интервью, с другой – показывает, как рассказчик встраивает тексты о прошлом в свои представления о современности.

год, это традиция – видеть президента, но слышать его мы были не обязаны, и услышать что-либо интересное, нужное – мы не ожидали. Поэтому, ну, просто вот он там есть – картинка, но этого было достаточно для, ну, для перехода в Новый год и так далее – вот с этой стороны. А... кто был тогда российским президентом... Путин. Его мы послушали, потому что это... нам было интересно, что он говорит. И говорил он красиво и без вот этого вот, без актерства. <...> Это мы послушали, вот, а Ющенко просто посмотрели. [К разговору присоединяется ОМ., муж НН.] ОМ: Ну вообще, как это... нашим доверяешь больше. НН: Да, я же говорила, что мы воспринимали так, что Путин – наш президент [НН⁷].

Просмотр беззвучного обращения президента получает в рассказе НН примечательное объяснение: «Этого было достаточно для, ну, для перехода в Новый год». Действительно, речь президента стала тем элементом праздника, без которого Новый год многим людям кажется неполным, а воображаемый переход между годами – незавершенным.

Традиция «видеть президента в новогоднюю ночь» аналогична традиции рождественского обращения британского монарха к народу, которую Эрик Хобсбаум приводит в пример, говоря об «изобретенных традициях» [7].

Изобретенные традиции претендуют на неизменность, они закольцовывают время и представляются нерушимыми. Их основная функция – объединение людей в нацию и производство чувства ее историчности и априорности. Благодаря им конструируется воображаемое сообщество в терминах Б. Андерсона [8]: коллективный просмотр обращения президента к народу аналогичен интегрирующей силе газет и романов XIX в., в которых Андерсон видит точки сборки наций. В момент осуществления традиции люди переживают чувство ее коллективности, делят ее с другими и через это воображают свою принадлежность к сообществу. При этом сообщество может существовать даже тогда, когда государство, к которому оно себя относит, уже не существует: так, несмотря на распад СССР, Нина Николаевна каждый Новый год с 1997 по 2014 г. переживала чувство принадлежности к нему, когда смотрела обращение российского президента «вместе с бывшим Советским Союзом».

При этом она не полностью исключала себя и из украинского сообщества: даже трансформируя традицию из чувства протеста, она вместе с тем не могла от нее отказаться: «это все равно репер-

⁷ Интервью записано в феврале 2017 г. в г. Симферополе.

ная точка, это все равно как бы Новый год, это традиция – видеть президента, но слышать его мы были не обязаны». Так, привязка к украинскому гражданству хоть и не была, видимо, симпатична Нине Николаевне, однако достаточно крепко удерживала ее в пределах и этой воображаемой общности.

Интересно, что дочь Нины Николаевны Настя (1981 г. р.) совершенно иначе понимала оба Новых года, праздновавшихся в их квартире до 2014 г. Во-первых, она наделяла бóльшим онтологическим статусом украинский праздник, называя именно его «настоящим». Во-вторых, встречу полуночи по московскому времени она осмысляла не как *советский Новый год*, а все-таки как *российский*:

Мы всегда праздновали по-российски и по-украински, то есть я воспринимала и то, и то. Нет, на самом деле, когда мы были не в России, у меня всегда это вызывало некую ностальгию – ну, в смысле, мне хотелось праздновать по российскому календарю, это честно, да, так и было [улыбается]. И то же самое, когда мы смотрели еще передачи вот эти Карусельные [транслировавшиеся на телевизионном канале «Карусель» – прим. Е. М.], еще с А. [сыном], мне тоже – вот это вот «Наша Родина...» вот это вот, да, как это... серия сказочных мультфильмов – да, которые, как же они... [Соб.: «Гора самоцветов»? (Серия мультфильмов «Гора самоцветов», которая транслировалась по каналу «Карусель», начинается с заставки «Мы живем в России». – прим. Е. М.)] Да! Которые начинаются «Наша Родина – Россия». И мне так всегда хотелось, чтобы вот это – наша! – родина Россия, вот как бы. Вот, и как бы это была некая такая вот, как бы, печаль, что вот, вот, ну как бы вот, да... [Соб.: И с Новым годом так же?] Да, и с Новым Годом было так же. Да, то есть, ну вот это тоже воспринималось, как знаешь, вот, ну как некая данность, что вот оно не так – но хотелось, да, хотелось. А сейчас, ну, естественно, мне очень приятно праздновать по российскому календарю, но вот когда мы там гуляли... <...> [в час ночи] мы отметили для себя, что вот да, это Новый год по украинскому календарю, можно выпить за украинский Новый год. <...> [Соб.: А вот когда еще до Майдана, до всего, праздновали и по российскому времени, и потом по украинскому, то какой из них, как вот...] Ярче все-таки? Ну, конечно, все-таки был ярче для нас по укра... ну, лично для меня, все равно по украинскому, потому что это было, воспринималось как, ну, мой Новый год. <...> Насколько я помню, то есть мы же и обращение президента смотрели. [Соб.: Украинского?] Ну да, конечно, мы смотрели [АК]⁸.

⁸ Интервью записано Е.К. Малой в феврале 2017 г. в г. Симферополе.

Для Насти вопрос «истинности» Нового года решается противоположным, чем для Нины Николаевны, образом: статусом настоящего наделялся официальный Новый год ее тогдашнего фактического гражданства, в то время как российскому отводилась роль менее серьезного и относящегося не к реальному пласту жизни, а, скорее, к мечтам и ностальгии. При этом если Нина Николаевна говорит, что просмотр обращений украинских президентов вызывал у нее смех, то Настя апеллирует к этому же просмотру как к доказательству серьезного отношения к украинскому празднованию. До сих пор, во время прогулки в новогоднюю ночь, она признает возможным «выпить за украинский Новый год». Однако переживание *российского* (времени, праздника, пространства) для Насти тоже важно – обратим внимание, как она говорит о своей реакции на заставку мультфильмов «Гора самоцветов».

Итак, в одной семье под одной и той же традицией, соблюдаемой совершенно искренне и по общему желанию, скрываются отличные друг от друга смыслы. При этом до интервьюирования (которое проводилось с информантами по очереди) они не замечали этой смысловой множественности, скрывающейся под одной практикой – она стала им видна только при обсуждении между собой результатов беседы.

Заключение

Заглянув в одну из крымских квартир под Новый год в 2000–2010 гг. (т. е. до перехода Крыма под юрисдикцию Российской Федерации), мы можем увидеть семью, встречающую полночь дважды: по московскому и киевскому времени. Эта двойственность праздника сама по себе интересна этнографу и может быть описана как попытка людей соотнести себя с несколькими национальными и государственными общностями. Однако на этом множественность практики не исчерпывается. Каждый из этих праздников тоже множится и дробится. Московский Новый год оказывается как бы двумя: во-первых, советским и «настоящим» (для супругов 50-х гг. рождения) и, во-вторых, российским и «ненастоящим» (для их дочери). Новый год по киевскому времени тоже только кажется единым объектом, в то время как под ним скрывается онтологическая множественность, в социальных науках описанная в первую очередь Аннмари Молл и Джоном Ло [9, 10]. Чем является украинский праздник в этой семье? «Фикцией» и «обязаловкой», во время которой выключается звук? Или «своим» Новым годом, как

говорит Настя, который оказывается более «ярким» и настоящим? Представители онтологического поворота в гуманитарном знании сказали бы, что оба ответа верны: оба Новых года сосуществуют одновременно, так как разные члены семьи празднуют разные праздники.

Представленный в этой статье этюд является, разумеется, далеко не полным описанием новогодних традиций крымчан и не претендует на обобщение. Например, по соседству с моими собеседниками живет другая семья, которая встречает новогоднюю полночь только один раз (впрочем, это не означает, что ее члены, собирающиеся за одним столом, в этом случае празднуют *одно и то же*). Однако среди моих архивных материалов есть достаточно свидетельств «двойного празднования» Нового года по времени разных стран, чтобы предполагать, что описанная выше ситуация не является исключительной. При этом важно отметить как саму эту двойственность, характерную, видимо, для многих стран СНГ, так и дополнительную множественность, скрывающуюся за каждым из этих праздников.

Кроме того, в своем исследовании я хотела обратить внимание на семейные стратегии соотнесения себя с воображаемым сообществом того или иного государства. Так, в полночь по московскому времени Нина Николаевна и ее муж вновь оказывались в границах давно распавшегося Советского Союза, а в *другую полночь* их дочь Настя ощущала свою сопричастность России, воспетой в том числе в заставке мультфильмов «Гора самоцветов». Подобные примеры позволяют изучить работу изобретенных традиций (Э. Хобсбаум) и воображаемых сообществ (Б. Андерсон) не на обобщенном уровне, как они представлены в трудах классиков, а «снизу», посмотреть, как на самом деле они работают на уровне конкретных людей.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00171 «Текстуализация конфликта и границ группы в устных исторических источниках (на материале сел Нижнегорского района Крыма)»

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-39-00171 “Textualization of conflict and group’s boundaries in oral history sources (on the material of the villages of the Nizhnegorsky district of Crimea)”

Литература

1. Постанова Кабінету міністрів України від 13 травня 1996 р. № 509 «Про порядок обчислення часу на території України» із змінами, внесеними згідно з Постановою КМ № 664 (664–2015-п) від 02.09.2015 [Електронний ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/509-96-%D0%BF?test=4/UMfPEGznhhHW..ZihGEhZHNI4RMs80msh8Ie6> (дата обращения 8 апр. 2018).
2. Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним поданням Президента України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Нормативно-правового акта Верховної Ради Автономної Республіки Крим Закону Автономної Республіки Крим «Про обчислення часу» та Постанови Верховної Ради Автономної Республіки Крим «Про введення в дію Нормативно-правового акта Верховної Ради Автономної Республіки Крим Закону Автономної Республіки Крим «Про обчислення часу» (Об исчислении времени, СЗРК, 1997 г., № 10, ст. 702 від 25.03.1998) [Електронний ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/rada/show/v004p710-98> (дата обращения 8 апр. 2018).
3. *Мукомель В.И., Хайкин С.Р.* Крымские татары после крымской весны: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.
4. *Старченко Р.А.* Особенности речевого поведения и региональная идентичность населения Крыма // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2014. № 1. С. 100–114.
5. *Bourdieu P.* The Logic of Practice. Cambridge: Polity Press, 1990. 333 p.
6. *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдые на Кавказе (главы из книги) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010. № 3. С. 174–320.
7. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций / Пер. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 5. С. 47–62.
8. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
9. *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
10. *Мол А.* Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.

References

1. Постанова Кабінету міністрів України від 13 травня 1996 р. № 509 «Про порядок обчислення часу на території України» із змінами, внесеними згідно з Постановою КМ № 664 (664–2015-п) від 02.09.2015 [Internet]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/509-96-%D0%BF?test=4/UMfPEGznhhHW..ZihGEhZHNI4RMs80msh8Ie6> (data obrashcheniya 8 Apr. 2018). (In Ukrainian.)
2. Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним поданням Президента України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Нормативно-правового акта Верховної Ради Автономної Республіки Крим Закону Автономної Республіки Крим «Про обчислення часу» та Постанови Верховної Ради Автономної Республіки Крим «Про введення в дію Нормативно-правового акта Верховної Ради Автономної Республіки Крим Закону Автономної Республіки Крим «Про обчислення часу» (Про обчислення часу. СЗРК, 1997 г., № 10, ст. 702 від 25.03.1998) [Internet]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/rada/show/v004p710-98> (data obrashcheniya 8 Apr. 2018). (In Ukrainian.)
3. Mukomel VI., Khaikin SR. Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: the Transformation of Identities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016;3:51-68. (In Russ.)
4. Starchenko RA. Features of verbal behavior and the regional identity of the population of Crimea. *Vestnik RUDN. Seriya “Vseobshchaya istoriya”*. 2014;1:100-14. (In Russ.)
5. Bourdieu P. *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity Press, 1990. 333 p.
6. Derluigian GM. Adept Bourdieu in the Caucasus (chapters from the book). *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2010;3:174-320. (In Russ.)
7. Hobsbawm E. Inventing traditions. *Vestnik Evrazii*. 2000;5:47-62. (In Russ.)
8. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow: KANON-press-Ts Publ.; Kuchkovo pole Publ.; 2001. 288 p. (In Russ.)
9. Law J. After the method: Mess in social science research. Moscow: Institut Gaidara Publ.; 2015. 352 p. (In Russ.)
10. Mol A. The body multiple: Ontology in medical practice. Perm': Gile Press; 2017. 254 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена К. Малая, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; lenmamalen@gmail.com

Information about the author

Elena K. Malaia, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; lenmamalen@gmail.com